V.

ПОСѢЩЕНІЕ ВЕРКОЛЬСКАГО МОНАСТЫРЯ [1].

Лѣтомъ прошлаго 1863 года, въ бытность мою на родинѣ, мы, т. е. пишущій эти строки и братъ его священникъ села В., посѣтили Веркольскій монастырь, стоящій при р. Пинегѣ, въ 170 верстахъ отъ города тогоже имени. Это было 23 іюля, въ день преставленія святаго праведнаго Артемія, мощи котораго почиваютъ въ томъ монастырѣ. Такъ какъ монастырь этотъ отъ мѣста нашей родины отстоитъ въ 40 верстахъ, то мы отправились еще наканунѣ, чтобы прибыть въ монастырь ко всенощной. Дорога къ монастырю идетъ дремучимъ лѣсомъ, а индѣ низменными лугами и топкими болотами. Не на чемъ остановиться взору; зрѣніе утомляется однообразіемъ вида, наводящаго тоску. Къ довершенію утомленія и скуки, въ тогдашнюю теплую и тихую погоду, было множество безпокойныхъ насѣкомыхъ, которыя носились въ воздухѣ тучами и немилосердо жалили все живое. Дорогою встрѣчались по временамъ окрестные поселяне-богомольцы разнаго возраста и обоего пола, пѣшкомъ и на телѣгахъ: тутъ тащился подъ градомъ пота согбенный лѣтами старецъ; подлѣ него мѣрными шагами шелъ бодрый юноша; за ними слѣдовала набожная мать, неся на рукахъ малютку сына, по случаю болѣзни котораго она дала обѣтъ помолиться угоднику Божію, и теперь, когда онъ выздоровѣлъ, шла исполнить свое обѣщаніе. У всѣхъ ихъ была, конечно, одна мысль, одно общее желаніе — помолиться святому угоднику. Было около 6 часовъ вечера, когда мы, усталые и измученные тряскою ѣзды, приближались къ монастырю. Бого-

[1] Монастырь этотъ извѣстенъ читателямъ «Странника» по воззваніямъ о пожертвованіяхъ на устройство его, каковыя воззванія неразъ являлись на его страницахъ. Онъ находится въ пинежскомъ уѣздѣ, архангельской губерніи.

мольцы останавливаются, снимаютъ шапки и крестятся. Гдѣ же монастырь? спрашиваю я. А вонъ тамъ, отвѣчаютъ мнѣ, указывая рукою вправо. Я взглянулъ по указанію, и тутъ только, сквозь чащу столѣтнихъ сосенъ и елей, увидѣлъ бѣлѣющуюся монастырскую церковь. Еще нѣсколько минутъ—и лѣсъ кончился: передъ нами открылась деревня, на противоположной сторонѣ которой, за рѣкою, виднѣнъ былъ и монастырь. Дневной зной смѣнился вечернею прохладой; въ воздухѣ тепло, тихо, на небѣ ни облачка. Проѣхавъ деревню, мы спускались къ рѣкѣ: глазамъ нашимъ предстала великолѣпная картина, одна изъ тѣхъ картинъ, которыя глубоко напечатлѣваются въ душѣ человѣка и остаются въ ней надолго, картина, заставившая позабыть всѣ непріятности утомительнаго пути. Предъ нами на высокой красной горѣ возвышался каменный монастырскій храмъ, съ колокольнею, окруженный нѣсколькими высокоствольными соснами и елями; вблизи его, на отлогомъ склонѣ горы, стояли бѣдныя по наружности приходскія деревянныя церкви, съ покрившимися отъ ветхости главами,—той старинной архитектуры, которую мѣстами еще можно встрѣтить въ нашей губерніи, а за ними синѣлъ темный боръ, занимающій кругомъ необозримое пространство. Внизу разстилалась гладкая поверхность рѣки. Ярко, какъ въ зеркалѣ, отражала она въ себѣ весь монастырь съ его церковію, колокольнею и кельями. Огромныя сосны и ели обступали крутые берега рѣки, ярко отражаясь въ ея зеркальной поверхности. Около монастыря кое-гдѣ бѣлѣлись зрѣющія поля. На берегу сидѣлъ монахъ съ удою въ рукахъ. Здѣсь въ сторонѣ плескались дикія утки. И монастырь, и вода, и лѣсъ, — все облито было золотыми лучами солнца. Кругомъ глубокое безмолвіе. Вдругъ раздается звонъ колокола.

...Онъ въ грудь мою проникъ...
Онъ загудѣлъ, окрестность оживилась,
Во всѣхъ сердцахъ, въ одинъ и тотъ же мигъ
Одна живая мысль о небѣ пробудилась!

Монахъ поспѣшно оставляетъ ловлю и идетъ по благовѣсту въ церковь; набожно крестятся мужички, заканчивая свои работы. Это былъ благовѣстъ ко всенощной. Эхо вторитъ ему, перекатываясь по окрестности, и мало по малу замирая вдали...

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ.

Долго слушалъ я его, погруженный въ размышленіе и созерцаніе всего меня окружающаго: ухо послушно внимало волную-

щимся въ воздухѣ звукамъ глашатая церкви; глазъ не могъ оторваться отъ этого прекраснаго зрѣлища среди дремучаго, почти пустыннаго лѣса. Смотришь, не насмотришься. Куда дѣвалась вся усталость? на душѣ стало такъ легко, спокойно и свѣтло.

Между тѣмъ мы переправились черезъ рѣку, оставили лошадь у священника и, переодѣвшись, поспѣшили ко всенощной. Прежде всего вошли въ часовню, находящуюся внѣ монастырской ограды, помолиться предъ гробницею перваго успокоенія праведнаго Артемія; нѣсколько женщинъ, колѣнопреклоненныя, при входѣ въ часовню, изливали души свои въ молитвѣ; слезы катились по ихъ щекамъ, но то были не горькія слезы страданія—здѣсь нѣтъ мѣста скорби земной—а слезы умиленія, которыхъ одна капля многоцѣнна предъ Богомъ. Затѣмъ зашли въ приходскую церковь; взоръ мой былъ пораженъ бѣдностію и пустотою храма: кромѣ церковнаго старосты и сторожа въ немъ изъ богомольцевъ не было никого. Первый, въ душѣ раскольникъ, стоялъ на крыльцѣ, за порогомъ церковнымъ, какбы боясь зайти въ церковь. Священникъ служилъ всенощную, въ ветхой ризѣ, при свѣтѣ четырехъ-пяти желтыхъ восковыхъ свѣчей на всю церковь. Все здѣсь глядитъ поразительною ветхостію и скорымъ неизбѣжнымъ разрушеніемъ. Грустное чувство овладѣло мною, при видѣ этой бѣдности и обветшалости дома Божія. Такая пустота въ храмѣ, наканунѣ храмоваго праздника, когда у добрыхъ христіанъ онъ бываетъ полонъ народа, такъ что трудно поднять и руки для крестнаго знаменія. Какъ судить послѣ этого о расположенности прихожанъ къ своей церкви и угоднику Божію, который былъ одинаковаго съ ними званія, жилъ среди ихъ предковъ, раздѣлялъ одинаковые съ ними труды? Да, расколъ, посѣянный коварными изувѣрами, ослѣпилъ и отвлекъ простые умы христіанъ отъ церкви. Большая половина здѣшнихъ поселянъ—открытые раскольники; изъ другой половины одни числятся православными, но по убѣжденіямъ вполнѣ раскольники, а другіе находятся подъ сильнымъ вліяніемъ раскола. Отдаленность деревень отъ церкви [1], невѣжество и рѣдкая встрѣча прихожанъ со священникомъ и столь же рѣдкое посѣщеніе ими церковныхъ службъ, послужили главными при-

[1] Селеніе, составляющее приходъ, находится за рѣкою. Слышно, что туда же хотятъ перенести и церковь. Дай Богъ, чтобы скорѣе осуществилось это предположеніе: тогда, можетъ быть, прихожане почаще стали бы посѣщать церковь, и расколъ ослабѣлъ бы мало по малу.

чинами усиленія раскола, который нынѣ такъ глубоко пустилъ свои корни, что священнику много нужно времени и труда и апостольской ревности, чтобы тронуть загрубѣлыя сердца своихъ прихожанъ, исправить ихъ религіозныя убѣжденія и чувства и привлечь отщепенцевъ къ храму Божію.

По окончаніи всенощной въ приходской церкви, мы отправились въ монастырь. При входѣ въ ограду направо стоятъ настоятельскія кельи, — одноэтажный деревянный домъ, старинной постройки и кельи монастырской братіи, — низкое полуразвалившееся строеніе; налѣво новый двухэтажный также деревянный корпусъ, выстроенный на пожертвованія доброхотныхъ дателей. Въ этомъ послѣднемъ помѣщается въ настоящее время строитель и вся братія монастыря. Далѣе—въ центрѣ монастыря, каменная одноглавая церковь, съ колокольнею. Кругомъ деревянная ограда, скорѣе срубъ, за которымъ, направо, видна новая гостинница для посѣтителей. Общій видъ монастыря не поражаетъ ничѣмъ, глазъ не останавливается исключительно на одномъ какомъ либо предметѣ; но въ этой уютной церкви, въ этихъ обветшалыхъ строеніяхъ, наконецъ въ этой оградѣ есть что-то такое, что заставляетъ невольно посмотрѣть и призадуматься. Мы вошли въ церковь Въ ней было не мало богомольцевъ; но между ними едва ли находилось и десять человѣкъ изъ того села, вблизи котораго стоитъ монастырь; всѣ богомольцы были изъ другихъ селеній, верстъ за сорокъ, пятьдесятъ и болѣе. Ветхій деревянный иконостасъ поднимался до самыхъ сводовъ. Не смотря на видимую обветшалость, въ церкви было опрятно, чисто и свѣтло. Подлѣ иконостаса, направо отъ царскихъ вратъ, помѣщается рака праведнаго Артемія, мощи котораго почиваютъ подъ спудомъ. Мы приложились къ святымъ иконамъ. Душа наполнилась чувствами благоговѣнія, мысль уносилась въ вѣка минувшіе, усиливаясь представить усопшаго праведника, какъ живаго. Блескъ зажженныхъ свѣчей, соборъ священнослужителей, благовонныя облака ѳиміама, наполняющія храмъ, и довольно стройное пѣніе братіи навѣвали на душу особенное чувство умиленія и благоговѣйной радости. Это были такія минуты, когда умственный взоръ, проникая сквозь завѣсу міра духовнаго, созерцаетъ дивные образы, незримые для очей тѣлесныхъ. Сознаніе невидимаго присутствія святаго чудотворца, ликъ котораго сіялъ предъ нами, вливало въ сердце тихую радость: нетлѣніе тѣла его, въ семъ храмѣ предлежащаго, самую вѣру обращало въ видѣніе; какъ живой зрѣлся онъ,

молящійся вмѣстѣ съ народомъ, предъ престоломъ Вседержителя.

Дивны и непостижимы судьбы Божіи въ судьбѣ святаго праведнаго Артемія! Сынъ бѣднаго, но благочестиваго верковскаго поселянина, Артемій, съ самыхъ юныхъ лѣтъ обнаружилъ особенную любовь къ святой жизни. Двѣнадцатилѣтняя жизнь его на землѣ, почти вся прошла въ молитвѣ и трудахъ. Еще дитятей, имѣя пять лѣтъ отъ рожденія, онъ сталъ чуждаться дѣтскихъ игръ, столь свойственныхъ сему возрасту. Раздѣляя послѣ полевые труды родителей и помогая имъ въ домашнихъ обязанностяхъ, — онъ и среди этихъ занятій не переставалъ стремиться всѣми силами юной любящей души къ Господу, и въ свободное отъ работъ время, поспѣшалъ въ храмъ Божій, или оставаясь дома, становился на молитву. Такова была внѣшняя жизнь благочестиваго отрока, среди роднаго семейства. Внутренняя же жизнь его, молитвы и труды, втайнѣ совершаемыя, извѣстны были одному Господу и Его Ангеламъ. Но пути Божіи неисповѣдимы! Праведный Артемій, единственное утѣшеніе родителей и лучшій ихъ сотрудникъ, на двѣнадцатомъ году жизни своей, среди полевыхъ трудовъ, пораженъ былъ громомъ. Это случилось 23 іюля 1544 года. Въ тогдашнее грубое время не удостоивали погребеніемъ людей, пораженныхъ громомъ небеснымъ; и потому осиротѣвшій отецъ, горько оплакавъ погибшаго сына, сокрылъ тѣло его въ сосѣднемъ лѣсу, подъ грудою хвороста, *далече нѣгдѣ отъ церкви*. Тридцать три года лежало тутъ тѣло святаго отрока. Но

Ни звѣрь, ни червь не прикасался
Къ нему... лишь снѣгъ его одѣлъ!
И чистой пеленой казался
И за оградою бѣлѣлъ...
Артемій отрокъ невредимый,
Какъ будто только что почилъ;
Казалось Ангелъ, имъ незримый,
Его крыломъ пріосѣнилъ;
И на лице лилось сіянье,
Благоуханьемъ лѣсъ дышалъ;
Какъ будто бы цвѣтовъ дыханье
Весенній вѣтеръ навѣвалъ!
Вотъ память отрока почтили
И христіанскій долгъ надъ нимъ
Поминовеньемъ совершили;
А онъ нетлѣненъ, невредимъ!
Слѣпцы, больные исцѣлялись,

Колѣна набожно склонивъ;
Чудотворенья совершались
Среди питомцевъ сельскихъ нивъ.

Но, такъ какъ Господь прославляющія Его прославляетъ и такъ какъ по непреложному слову Его: *не можетъ градъ укрытися верху горы стоя:* то и праведный Артемій просіялъ славою святости. Въ 1577 году, спустя тридцать три года по его преставленіи, мощи его обрѣтены нетлѣнными, и перенесены на паперть приходской Веркольской церкви. Всѣ, приходившіе сюда съ вѣрою и призывавшіе въ молитвахъ праведнаго Артемія, получали чудесное исцѣленіе: слѣпые зрѣніе, хромые хожденіе, глухіе слухъ. Продолжительно было бы описывать здѣсь всѣ чудеса праведнаго отрока; поэтому ограничимся описаніемъ только одного, какъ особенно дивнаго и славнаго. Нѣкто, именемъ Павелъ, имѣлъ лице, обращенное назадъ, былъ слѣпъ, и находился въ такомъ состояніи довольно долгое время. Всѣ обыкновенныя пособія и средства человѣческія къ уврачеванію недужнаго, казалось, были тщетны. Наконецъ несчастный, неоднократно слыша разсказы о чудесахъ новоявленнаго угодника Божія, обратился къ нему съ слезною молитвою, — и скорый на помощь, святый Артемій, возвращаетъ ему здравіе: лице его принимаетъ прежнее положеніе, очи открываются и онъ дѣлается совершенно здоровымъ. Убѣжденные такимъ сверхъестественнымъ исцѣленіемъ и другими разными чудотвореніями въ святости мощей праведнаго Артемія, жители Веркольскаго селенія, по общему совѣщанію съ своимъ священникомъ, въ 1583 году изъ паперти перенесли ихъ въ придѣлъ; въ тоже время увѣдомили объ этомъ тогдашняго митрополита новгородскаго Макарія, по грамотѣ котораго новоявленныя мощи были свидѣтельствованы, и тогда же составлено житіе праведнаго Артемія и церковная служба ему. Но монастырь начало свое получилъ въ 1635 году, спустя уже пятьдесятъ восемь лѣтъ послѣ обрѣтенія мощей. Онъ основанъ кевролъскимъ и мезенскимъ воеводою Аѳанасіемъ Пашковымъ. Тяжкая болѣзнь единственнаго сына побудила благочестиваго воеводу прибѣгнуть съ усердною мольбою къ святому праведному Артемію. Молитва вѣры спасла болящаго, — и обрадованный отецъ поспѣшилъ воздвигнуть надъ мощами праведнаго Артемія храмъ во имя святаго великомученика Артемія, съ оградою и кельями для приходящихъ иноковъ. Съ тѣхъ поръ пошла молва о чудесахъ новоявленнаго чудотворца; изъ отдаленныхъ мѣстъ стекаются къ нему богомольцы, со-

бираются благочестивые иноки и дотолѣ почти безлюдная и безмолвная пустыня оживляется и населяется. Впрочемъ не долго существовалъ этотъ новоустроенный монастырь. 24 іюля 1639 года, онъ со всѣми кельями сгорѣлъ отъ молніи. Почему тогдашній кеврольскій земскій староста Филиппъ Драчевъ испросилъ позволеніе у царя Алексѣя Михайловича вновь построить монастырь на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ обрѣтены были мощи святаго праведнаго Артемія, куда, по сооруженіи его въ 1649 году, онѣ и были перенесены [1]. Въ слѣдующемъ 1650 году, благочестивый царь, при грамотѣ, съ крестовымъ дьякомъ своимъ Игнатіемъ Яковлевымъ прислалъ въ новоустроенный монастырь, по обѣщанію сестры своей, благовѣрной царевны Ирины Михайловны, всю церковную утварь и одежды [2]. И

Онъ, бѣдный сынъ поселянина,
Сталъ возвеличенъ отъ царей
И Божія любимецъ Сына
Почилъ подъ сѣнью алтарей;
Надъ нимъ явило Провидѣнье,
Что не должно сердецъ смущать
Страданье добрыхъ и терпѣнье,
Что смерть для добрыхъ благодать.

[1] Всѣ свѣдѣнія о монастырѣ взяты нами изъ «службы святому Артемію». Въ этой же книгѣ помѣщено краткое описаніе жизни и чудесъ праведнаго.

[2] Подлинной грамоты въ монастырѣ нѣтъ. Она или сгорѣла въ пожарахъ, или затеряна; есть только копія съ нея. Содержаніе ея слѣдующее: «Отъ царя и великаго князя Алексія Михайловича всея Руссіи въ Кеврольскій уѣздъ въ монастырь святаго Артемія, веркольскаго чудотворца, строителю Родіону Макарьину, да черному попу Іонѣ съ братіею, по нашему указу и по обѣщанію сестры нашея, благовѣрныя царевны и великія княжны Ирины Михайловны, послано къ вамъ въ монастырь чудотворца Артемія веркольскаго церковнаго строенія: евангеліе напрестольное, крестъ благословенный, ризы и стихари, и иное церковное строеніе съ крестовымъ нашимъ дьякомъ Игнатьемъ Яковлевымъ; а что церковнаго строенія послано, и потому послана къ вамъ роспись подъ сею нашею граматою за дьячею приписью, и какъ сія наша грамата придетъ, а крестовый нашъ дьякъ Игнатій Яковлевъ къ вамъ въ монастырь пріѣдетъ, и вы бъ у него церковное строеніе по росписи, какова подъ сею нашею граматою, приняли все на лицо, и велѣть написать въ книги имянно, чтобъ то наше церковное строеніе во вѣки было неподвижно; а какъ то церковное строеніе у крестоваго нашего дьяка Игнатія Яковлева примете, и вы бъ о томъ къ намъ отписали съ нимъ же Игнатіемъ, и его отпустили, а на монастырь отписку подать, а ему Игнатію велѣно явиться въ приказѣ большаго дворца боярину и дворецкому нашему князю Алексѣю Михайловичу Львову, дьякомъ нашимъ Ивану Ѳедорову, да Давиду Дерягину, да Смирному Богданову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7158 (1650), генваря въ 26 день.»

Къ сожалѣнію только сорокъ шесть лѣтъ существовалъ и этотъ возобновленный монастырь: не успѣлъ онъ, такъ сказать, опериться, какъ пожары, одинъ за другимъ, опять истребляли его, и лишь груда пепла и развалинъ указывала мѣсто его существованія. Но, по милости Божіей и по молитвамъ угодника, щедрая рука жертвователей воскрешала его изъ-подъ груды пепла и развалинъ,—и онъ, не смотря на неоднократные пожары, опять являлся въ новой силѣ для существованія. Всегда бѣдный и недостаточный, онъ, было время, не имѣлъ средствъ даже для совершенія службы Божіей, и еще недавно, чуть было не подвергся совершенному запустѣнію: только дивный во святыхъ своихъ Господь воздвигъ опять доброхотныхъ дателей, и—вотъ онъ поправляется и начинаетъ оживать.

Въ настоящее время въ монастырѣ строеніе каменное, именно: церковь во имя святаго Артемія веркольскаго чудотворца, съ мощами его и двумя теплыми придѣлами, построенная въ 1793 году, на подаяніи вкладчиковъ; колокольня въ связи съ церковію, ветхія настоятельскія и братскія кельи и таковыя же новыя, построенныя года два тому назадъ, на тѣже пожертвованія. Гостинница для богомольцевъ и службы помѣщаются за оградою монастыря. Какъ несостоящій въ штатѣ, монастырь управляется строителемъ, а содержаніе получаетъ отъ принадлежащихъ ему земельныхъ угодій. Но какъ малы и недостаточны эти средства къ содержанію, можно судить потому, что хлѣба, получаемаго съ угодій, недостаточно бываетъ на содержаніе и десяти человѣкъ братіи. Къ тому же суровость климата и ранніе осенніе морозы лишаютъ иногда монастырь и этого скуднаго содержанія.

На слѣдующій день, послѣ ранней обѣдни въ придѣлѣ очередной іеромонахъ предъ ракою праведнаго служилъ молебны. Тутъ, кажется, впервые коснулись слуха моего умилительные звуки хвалебнаго тропаря святому угоднику: «Вышняго повелѣніемъ тученоснымъ облакомъ небо помрачившимъ, и молніямъ блистающимъ, грому же возшумѣвшу съ прещеніемъ, испустилъ еси душу твою въ руцѣ Господеви, премудре Артеміе, и нынѣ предстоиши престолу Владыки всѣхъ, о иже вѣрою и любовію приходящимъ къ рацѣ твоей, подая исцѣленіе всѣмъ неотложно и моляся Христу Богу спастися душамъ нашимъ.» Богомольцы возжигали свѣчи, и повергаясь предъ ракою молились со слезами; а по окончаніи молебна подходили къ кружкѣ и клали въ нее свои небогатыя приношенія—одни деньги, а другіе кусокъ

домашняго холста, или связку льна и овечьей шерсти. Какъ ни ничтожны, повидимому, эти приношенія, но на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, столь же пріятны Богу, сколь пріятна была лепта евангельской вдовицы. Позднюю литургію совершалъ самъ строитель съ двумя іеромонахами и священниками изъ окрестныхъ приходовъ. Послѣ литургіи былъ крестный ходъ, въ сопровожденіи богомольцевъ: ходили къ часовнѣ, отстоящей не болѣе двухъ верстъ отъ монастыря, на восточной его сторонѣ; то было мѣсто преставленія святаго Артемія. При рѣкѣ стоять два-три крестьянскихъ домика, при нихъ поля, за которыми дремучій боръ. Сюда-то святый Артемій, по обыкновенію, отправился съ отцемъ своимъ для посѣва озими. Одному Богу извѣстно, какіе помыслы наполняли тогда душу праведника; только въ то время, какъ запахивалъ онъ посѣянныя отцемъ сѣмена, появилось на горизонтѣ темное облако, и, приближаясь къ мѣсту трудовъ праведнаго труженика, расло болѣе и болѣе, а наконецъ легло надъ нимъ тяжелымъ, темнымъ сводомъ. И туча

— полуночи черньe
Велѣньемъ Божіимъ взошла,
И все мрачньe и мрачньe...
Какъ гнетъ на землю налегла.
Блеснулъ огонь, какъ мечь могучій,
И страшный громъ зарокоталъ.
И мнилось, будто вмѣстѣ съ тучей
На землю сводъ небесный палъ!
И отрокъ въ ужасѣ трепещетъ.
Но вотъ еще сильньe блещетъ
Еще ударъ, — и Божій рабъ,
Покинувъ сугу земнаго,
Взлетѣлъ къ престолу Всесвятаго.

На этомъ мѣстѣ стоитъ ветхая часовня, въ которой по голымъ стѣнамъ разставлено нѣсколько почернѣлыхъ иконъ, а въ срединѣ возвышается деревянный крестъ, утвержденный въ землѣ. Не смотря на такую бѣдную обстановку, изъ всѣхъ богомольцевъ, посѣщающихъ пустынную обитель, едва ли найдется одинъ, который бы не зашелъ въ эту часовню и не простерся предъ симъ св. крестомъ, съ теплою молитвою къ Богу и святому угоднику. Здѣсь служили молебенъ, послѣ котораго провозглашено многолѣтіе Государю Императору и всему Августѣйшему Дому. И сладко ложились на сердце эти отрадные звуки святой молитвы о здравіи и благ[redacted]нствіи христолюбиваго царя нашего, раздававшіеся на пустынномъ сѣверѣ, въ убогой ча-

совнѣ, до тѣсноты наполненной богомольцами. Замѣчательно здѣсь и то, что многіе изъ христіанъ, посѣщающихъ эту часовню, отламываютъ небольшіе кусочки отъ находящагося въ ней креста, придавая ему нѣкоторую цѣлебную силу. Мы видѣли, какъ одна женщина, съ благоговѣніемъ подошла ко кресту и зубами отдѣлила отъ него небольшой кусочикъ; потомъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, чрезъ отверстіе, сдѣланное на полу, опустилась внизъ, чтобы взять оттуда горсть земли. Народъ въ простотѣ вѣритъ, что кусочки отъ креста приносятъ исцѣленіе отъ зубной болѣзни. Вслѣдствіе такой вѣры въ цѣлебную силу креста, онъ представляется теперь обломаннымъ, или какбы обглоданнымъ. Земля же, взятая съ мѣста преставленія святаго угодника, говорятъ, исцѣляетъ отъ лихорадки. Это вѣрованіе утверждается на томъ, что лихорадочная болѣзнь, съ ужасною силою свирѣпствовавшая въ этой странѣ около времени открытія мощей праведнаго Артемія, съ открытіемъ ихъ прекратилась. Многознаменательно это искреннее и святое вѣрованіе православнаго русскаго человѣка къ святынѣ и особенно утѣшительно въ наше время, щеголяющее невѣріемъ.

На обратномъ пути отъ часовни, проходя мимо стоящей близь нея деревушки, я не могъ удержаться, чтобы не спросить попавшагося мнѣ тутъ мужичка: не здѣсь ли жилъ праведный Артемій? Не знаю, отвѣчалъ онъ мнѣ, можетъ быть и здѣсь; вѣдь это было давно. Вотъ какъ мало знаютъ своего святаго земляки его — сосѣди, живущіе на самомъ мѣстѣ его родины, тогда какъ богоугодная его жизнь извѣстна въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ нашего отечества. Не смотря на такой печальный отвѣтъ, я смотрѣлъ на эту деревушку, какъ на памятникъ святыни, на мѣсто рожденія и жизни угодника Божія, и былое воскресло въ моемъ воображеніи. Здѣсь, думалъ я, жилъ, трудился и молился одинъ изъ тѣхъ душею и сердцемъ преданныхъ Богу людей, которые бываютъ незримы для очей міра, но имена которыхъ начертаны въ книгахъ животныхъ. Воображеніе вызывало изъ мрака отдаленныхъ временъ образъ благочестиваго отрока, жившаго въ этой суровой и малонаселенной, въ то время, сторонѣ; онъ трудится и молится днемъ и ночью, къ удивленію домашнихъ своихъ и всѣхъ сосѣдей. Здѣсь по этой самой дорогѣ, неразъ, можетъ быть проходилъ онъ усталый и облитый потомъ отъ трудовъ, но крѣпкій и сильный вѣрою и молитвою. Здѣсь, на этихъ самыхъ поляхъ, трудился онъ въ потѣ

лица, и здѣсь же чистая душа его отлетѣла къ Господу. Исполненный благоговѣнія и воспоминанія о минувшемъ, возвратился я въ монастырь. Строитель пригласилъ насъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими посѣтителями къ себѣ въ кельи. Поданъ былъ чай. Разговоръ нашъ завязывался какъ-то медленно, потому что у каждаго много было на сердцѣ такого, что хотѣлось непремѣнно высказать. Наконецъ онъ склонился на одинъ предметъ, болѣе близкій—на монастырь. Тутъ строитель разсказалъ намъ о состояніи монастыря, объ улучшеніяхъ, какія въ немъ сдѣланы и о предположеніи возобновить самый храмъ и иконостасъ. Онъ много жаловался на холодность ближайшихъ поселянъ къ церкви Божіей, на ихъ невѣжество и упорство въ расколѣ, на недовѣрчивость къ самымъ благонамѣреннымъ внушеніямъ и дѣйствіямъ властей духовныхъ и гражданскихъ. Всѣмъ этимъ, прибавилъ онъ, что вы видѣли и видите въ монастырѣ, и что еще предположено сдѣлать въ немъ, онъ обязанъ пожертвованіямъ иногородныхъ доброхотныхъ дателей, и тутъ же съ особеннымъ удовольствіемъ перечислилъ имена ихъ. Послѣ чаю всѣхъ насъ пригласили къ столу и угостили, чѣмъ Богъ послалъ. Отрадно видѣть, что добродѣтель страннопріимства, оскудѣвающая въ нынѣшнемъ разсчетливомъ вѣкѣ, сохраняется еще во всей патріархальной простотѣ, въ отдаленныхъ обителяхъ нашего отечества, между монашествующими. Всѣ, участвовавшіе въ братской трапезѣ, поблагодаривъ за гостепріимство радушнаго хозяина, разошлись отъ него съ самымъ лучшимъ настроеніемъ, унося въ душѣ много пріятныхъ впечатлѣній, которыя, конечно, долго не забудутся.

Мы были потомъ у вечерни и простились съ монастыремъ. По выходѣ изъ церкви, я еще разъ окинулъ взоромъ все пространство около монастыря. Опять тоже зрѣлище! При подножіи горы, на которой стоитъ монастырь, тянется, подобно синей лентѣ, рѣка и извилинами теряется въ неизмѣримой дали. Кругомъ монастыря дремучій лѣсъ. На противоположной сторонѣ, за рѣкою, взоръ встрѣчаетъ довольно длинный рядъ домовъ, расположенныхъ на горѣ, при подножіи которой разстилаются луга и виднѣются бѣлѣющіяся поля. Недаромъ въ древности горы были первыми мѣстами храмовъ молитвы; и нынѣ большая часть нашихъ православныхъ церквей и обителей стоитъ на горахъ. Кому случалось восходить на высокія горы, тотъ чувствовалъ, какъ, по мѣрѣ возвышенія своего, возвышался онъ въ душѣ своей надъ всѣмъ дольнимъ, живѣе созна-

валъ ничтожество всего земнаго, отрѣшался отъ заботъ и огорченій; ощущалъ въ себѣ большую, такъ сказать, близость къ небу. Что же сказать о молитвѣ на такихъ мѣстахъ? Молитвенное уединеніе на нихъ производитъ всѣ эти дѣйствія въ высшей степени. Гдѣ, думалъ я, спускаясь съ горы, какъ не здѣсь, въ этихъ уединенныхъ, пустынныхъ мѣстахъ, предаться всецѣло, молитвѣ Богу? И какъ соотвѣтствуютъ эти дикія, отчасти суровыя, но все-таки живописныя мѣста, той суровой, но полной самоотверженія жизни, которая требуется отъ людей, отрекшихся всего мірскаго.

Мы были уже на другомъ берегу, и проѣзжая по извилистымъ переулкамъ селенія, слышали громкія пѣсни подгулявшихъ поселянъ. Но эти отголоски мірскаго веселія, въ виду мѣста, ознаменованнаго нетлѣнными останками святаго угодника, какъ-то не согласовались съ тогдашнею настроенностію нашихъ чувствъ. Какая противоположность! Тамъ въ монастырѣ тишина и спокойствіе кельи, а здѣсь шумъ и суета мірской жизни; тамъ миръ и благодать, здѣсь тревога и страсти. Утромъ и вечеромъ мирная обитель творитъ молитву и невольно заставляетъ позадуматься о ничтожествѣ земной суеты. Подъѣзжая къ лѣсу, я еще разъ оглянулся назадъ и глазами искалъ монастыря. Но на него надвинулся уже сосѣдній лѣсъ, и бѣлая церковь его не блестѣла болѣе предъ нашими глазами; только высокій шпицъ колокольни отдѣлялся еще на темномъ фонѣ отдаленнаго лѣса. Наконецъ и онъ скрылся за лѣсною чащею, и мы простились со святою обителію.

Теперь самый опытъ убѣдилъ насъ, что странствованіе ко святымъ мѣстамъ и посѣщеніе обителей, производитъ сильное и важное вліяніе на жизнь и нравственность христіанскую. Живя въ мірѣ, среди шума его, душа какбы развлечена бываетъ безпрестаннымъ разнообразіемъ внѣшнихъ впечатлѣній. Временная сфера жизни, въ которой мы постоянно кружимся, закрываетъ отъ души сродную ей область жизни и дѣятельности. Чистая жизнь духа по неизмѣннымъ законамъ вѣчной истины, правды и любви, вступая въ сношенія съ міромъ,—какбы помрачается его суетою. Въ пустынныхъ обителяхъ душа какбы снова вступаетъ въ область духовную. Смотря на монастырь, стоящій вдали отъ шумныхъ жилищъ суеты, и на скромныхъ инноковъ, ревностно исполняющихъ свои обѣты, мы забываемъ на время тревогу житейскую: тогда сила заботъ и мірскихъ попеченій слабѣетъ; туманная толпа нечистыхъ образовъ и пред-

ставленій разсѣевается; душа невольно настраивается на высшій тонъ, чувствуется какое-то умиленіе, покой души, возбуждаются благороднѣйшіе порывы сердца. Самый видъ святыхъ обителей, къ которымъ стремится набожный странникъ, къ какимъ благоговѣйнымъ мыслямъ не способенъ расположить душу его! Сколько священныхъ думъ должно родиться въ душѣ христіанина, сколько благочестивыхъ желаній должно возникнуть въ его сердцѣ, при видѣ святыхъ останковъ праведниковъ Божіихъ, прославленныхъ знаменіями и чудесами еще въ этой жизни, и мирно почивающихъ подъ сѣнію благодати! Какъ горяча и высока должна быть здѣсь молитва въ устахъ самаго великаго грѣшника! Невозможно, чтобы сердце странника не почувствовало при этомъ, какъ сладостно служить Богу духомъ и истиною, не возненавидѣло грѣха и не возлюбило, или по крайней мѣрѣ, не дало обѣта любить Бога всею крѣпостію любви. Изъ тысячи богомольцевъ, посѣщающихъ святыя обители, вѣрно большая половина износитъ изъ нихъ эти благочестивыя мысли и намѣренія. Въ ихъ духовной природѣ — иногда невѣдомо для нихъ самихъ,—происходитъ въ эти минуты то, что произошло съ мертвецомъ въ гробѣ Елисея: онъ прикоснулся къ костямъ пророка, и—ожилъ; или то, что случается съ людьми, посѣщающими приготовителя ароматовъ: отъ соприкосновенія съ нимъ, самыя одежды посѣтителей напитываются благовоніемъ, такъ что навсегда, или, по крайней мѣрѣ, очень надолго удерживаютъ это благоуханіе. Да, монастыри—учители наши, если не самымъ дѣломъ, то видомъ своимъ,—идеею. Вотъ заслуга монастырей для общества: хотя и мало примѣчаемая! И вотъ тѣ впечатлѣнія, которыя произвела на насъ пустынная обитель Верколъская!

С. Постниковъ.